

Хорошая книжка «Николины притчи». Онъ — тотъ Ремизовъ, писатель съ «необимимъ выраженіемъ», котораго надо любить.

А. Крайній

Р. С. Слѣдуетъ пожалѣть, что «Николины притчи», какъ книга, испорчены приложенной къ ней «Жерлицей Дружинной» («къ картинамъ Рериха»). Не вдаваясь въ критику «Жерлицы», скажу лишь, что, пристегнутая къ «Николѣ», она есть верхъ безвкусыя. Тутъ, впрочемъ, согласны всѣ, не исключая и самаго автора, къ чести котораго надо замѣтить, что неудачное соединеніе совершилось по «независящимъ отъ него обстоятельствамъ»-

А. К.

Иванъ Бунинъ. *Роза Иерихона*. К-во «Слово». Берлинъ 1924 г.

«Се тебѣ, душа моя, вѣрять Владыка талантъ: со страхомъ прими даръ».

Такъ молится Бунинъ въ рассказѣ «Постъ», являющемся какъ бы признаніемъ автора о его творчествѣ, какъ бы нѣкоторой «постикой» Бунина. И эти слова молитвы могли бы служить эпиграфомъ къ его книгѣ.

Въ «Розѣ Иерихона» собрано все что было разеяно по газетамъ и журналамъ за послѣдніе годы. И если почти каждый изъ этихъ короткихъ рассказовъ былъ въ свое время значительнымъ литературнымъ явленіемъ, то собраные вмѣстѣ они сливаются въ одно цѣлое, начинаютъ свѣтиться и жить, по новому богатой и значительной жизнью.

Бунинъ первый современный русскій писатель, онъ — продолжатель классической традиціи въ русской литературѣ. Эти формулы медленно входятъ въ сознаніе читателей, долго вслѣдъ за критиками считавшихъ Бунина не то пейзажистомъ, не то бытовикомъ или «Знанья». Лишенный ходулей эффектнаго сюжета и броской повязи, его талантъ, казалось, только медленно росъ. На самомъ же дѣлѣ Бунинъ быстро сталъ и оставался все тѣмъ же совершеннымъ и завершеннымъ художникомъ. И это только мы постепенно начинали замѣчать насколько тонка его фактура, какъ глубоко мироощущеніе. Мѣсто Бунина въ русской литературѣ было особое. Тѣ кто могли быть его соперниками, являлись писателями иной литературы формаци, иного лагеря. Бунинъ былъ чуждъ главному русскому русскому литературѣ послѣднихъ десятилѣтій, ея «бурѣ и натиску», вліяніямъ Достоевскаго, символизму. Онъ былъ классицизмомъ, не въ томъ только смыслѣ слова, какой мы прилагаемъ ко всѣмъ большимъ писателямъ, не потому, что скоро гимназисты будутъ со снуконъ заучивать наизусть отрывки его прозы. Онъ одинъ изъ немногочисленныхъ русскихъ писателей, въ которомъ опредѣленно выражены подлинныя элементы классицизма. То что мы условно называемъ «классицизмомъ» и «романтизмомъ» есть въ каждомъ произведеніи

искусства, только въ разныхъ степеняхъ и формахъ. Поэтому можно говорить о романтизмѣ Расина или Корнеля и о классицизмѣ Кольтриджа и Кита. Классическое начало есть въ каждомъ достоинствѣ этого имени художникъ, это — начало формообразующее, мужское, начало разума, равновѣсія, мѣры, ясности и простоты. Въ русской литературѣ оно было сравнительно слабо, въ ней не было формъ и формулъ, готоваго русла для классического ренессанса. Но все же оно было, и его легко отмѣтить и въ пушкинской гармоніи и въ уравновѣшенности Гончарова и въ торжественности Ломоносовской оды. Есть оно и въ главномъ ритмѣ бунинской прозы, въ томъ какъ приводится къ простотѣ и единству, какъ стройно организуется все сложное и страстное въ его душѣ. И слова вспоминается его «поэтика», рассказъ «Постъ». «Я работаю легко, споро, съ рѣдкой остротой душевнаго зрѣнья, которая даетъ такое непередаваемое счастье»... «Усталый, умиrotворенный я вкладу перо, мысленно благодаря Бога за силы, за трудъ...». «Ей, Господи, не даждь ми духа праздности, унынія. Больше мнѣ ничего не надо. Все есть у меня, все въ мѣрѣ — мое.» Какія прекрасныя высокія слова. Какъ сливаются въ этомъ дивномъ рассказѣ чистота говѣющей дѣвушки и строгая душевная собранность творящаго художника. И когда Бунинъ спрашиваетъ о дѣвушкѣ: «Дочь она мнѣ? Невѣста?» хочется отвѣтить ему: нѣтъ, не дочь, не невѣста, а муза, чистая, дѣвически-прекрасная, одухотворенная муза!

Можетъ быть не будетъ парадоксальнымъ утверждать, что бунинскимъ «классицизмомъ» можно отчасти объяснить и его исключительную непримиримость по отношению къ большевикамъ. Въ его рассказахъ есть черты которыя, пожалуй, можно назвать социалистическими. Несомнѣнно, что буржуа ему болѣе чужды чѣмъ рабочій или крестьянинъ. «Господинъ изъ Санъ-Франциско» почти памфлетъ противъ буржуазіи. Совсѣмъ по-толковски своимъ сочувствіемъ къ горю простыхъ людей и отрицаніемъ баремныхъ затѣй звучитъ рассказъ «Старуха». Но революція по существу романтична. Бунина глубоко чужда и отвратительна ея истерическая, безумная стихія. Для него немислимо было ни на секунду трагическое недоразумѣніе, въ такой тупикъ заведшее Блока и многихъ другихъ. И, отрицая, онъ долженъбылъ остаться въ своемъ отрицаніи послѣдовательнымъ до конца. Въдѣ его классическому духу чуждо все нечистое, смѣшанное, ублюдочное. всякая ложь и компромиссъ. И эта абсолютная *непримиримость* можетъ вызывать непависть, но не можетъ не внушать уваженія. Въ русской литературѣ было такъ много другого и въ прежніе и особенно въ наши смутные дни, что безкомпромисность; непримиримость представляется культурнымъ подвигомъ.

Одной изъ чертъ классицизма Бунина является необыкновенная его писательская скупость и сжатость. Какая сложная трагедія сконцентрирована на нѣсколькихъ страницахъ въ рассказѣ «Въ пономѣ морѣ». Цѣлая женская жизнь трогательно

передана въ «Готамъ». Критика уже говорила о музыкѣ «Иосцовъ». Но эта торжественная симфонія по размѣрамъ не больше короткаго этюда. Изъ разсказа «Преображеніе» можно бы сдѣлать длинную философски-религіозную повѣсть. А вотъ какъ кратко и своеобразно передана схема крестьянской, *человѣческой* жизни въ этомъ разсказѣ: «это они со старикомъ были строителями и владыками всего этого обширнаго, прочнаго, теперь уже давно обжитаго, вросшаго въ свое мѣсто, грязнаго и уютнаго гнѣзда съ его гумномъ, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой въ три связи, грубымъ до дикости скотнымъ дворомъ, потонувшимъ въ навозъ и переполненнымъ сытой скотиной. Это они когда то были молоды, красивы, разумны и строги, а потомъ стали поемному сдавать да сдавать, какъ-то теряться среди все увеличивающейся и крѣпнущей молодежи, то въ одномъ, то въ другомъ, уступать имъ свою волю и наконецъ совсѣмъ сошли на нѣтъ, захирѣли, высохли, сгорбились, забились на палаты, на печь, отчуждились сперва отъ семьи, а потомъ и другъ отъ друга, чтобы уже навѣки разлучиться по могѣламъ».

Бунинъ часто и мастерски описываетъ смерть. Но дѣлаетъ онъ это такъ истоиво, такъ благоговѣнно, что воистину преображаетъ ее, какъ она преобразила въ его разсказѣ молодого крестьянина. Почти все чего бы онъ ни касался полно какой-то особой чистой немного холодной духовности и красоты. Онъ рѣдко остается только въ «человѣческомъ, слишкомъ человѣческомъ», а выводитъ насъ на просторы океана и полей, окружаетъ человѣка природой, брызгами моря, воздушностью неба. Но изрѣдка и особенно въ послѣднее время проникаютъ въ его творчество ноты ѣдкаго безысходнаго отчаянья, отъ котораго душно, какъ подъ крышкою гроба. Въ разсказѣ «Въ ночномъ морѣ» два человѣка бесѣдуютъ о своей любви къ умершей женщинѣ и одинъ изъ собесѣдниковъ обреченъ на близкую смерть, но вы чувствуете, что и второй собесѣдникъ и вы сами и все въ мірѣ осуждено на смерть, что нѣтъ ничего цѣннаго, что любовь это только «половое умиленіе», что люди только временно-отпущенные мертвецы. Не такъ рѣзко, но тоже самое звучитъ и въ «Безумномъ Художникѣ» и въ «Жонглѣ»: «Россія — конецъ, да и всему, всей моей жизни тоже конецъ, даже если случится чудо и мы не погибнемъ въ этой злой и ледяной пучинѣ». Чуда, по крайней мѣрѣ не съ единичными людьми, а съ Россіей, не случилось. Однако несмотря на свою безнадежность нашелъ же Бунинъ въ замѣчательной по силѣ лиризма «Несрочной Веснѣ» побѣждающую отчаяніе силу въ воспоминаніяхъ, въ природѣ, въ прозрѣніи иной жизни, въ «Летейскихъ Тѣняхъ» прошлаго и въ надеждѣ на «несрочную весну». И этимъ снова явилъ побѣду своего мужественнаго духа надъ «злой и ледяной пучиной», которая изрѣдка грозитъ измѣнить гармоничный ликъ его музы.

Мих. Цетлягъ